

— Когда узнал, что все мое достояние расхищено.

Фет снова оказывается на распутье. «Как ни тяжела была такая неожиданная утрата, но я всегда держался убеждения, что надо разметать путь перед собою, а не за собою, и поэтому в жизни всегда заботило меня будущее, а не прошедшее, которого изменить нельзя»¹.

В заботах о будущем Фет делает неожиданный для лирического поэта выбор: идет на армейскую службу, поступает в апреле 1845 года унтер-офицером в Орденский кирасирский полк, в котором уже служил друг детства И. Борисов. Фетовское кирасирство иной природы, чем гусарство Д. Давыдова или Лермонтова. Оно было вызвано чисто рациональными соображениями: надеждой вскоре выслужить офицерский чин, дававший потомственное дворянство.

Удар по этим планам, сам того не зная, через месяц нанес император Николай Павлович. В июне 1845 года он подписал манифест, согласно которому потомственное дворянство давал только чин майора (восьмой класс). Поэтому, когда через год унтер-офицер стал корнетом (тринадцатый класс), то была горькая радость. Добираться до намеченной цели нужно было теперь лет пятнадцать...

Фет прослужил одиннадцать. Первые восемь лет тянул армейскую лямку в глухих углах Херсонской губернии. Смотры — учения — маневры — охота — провинциальные балы — дружеские попойки. Мечты о славе, друзья студенчества, григорьевский мезонин, споры о литературе остались где-то в иной жизни. Вокруг были полковые остряки (см. гоголевскую «Коляску») и дамы, приятные во всех отношениях. В «Историю 13-го драгунского полка» Фет вошел с прозвищем Дубовый классик и дружеским посвящением:

Ах ты, Фет,
Не поэт,
А в мешке мякина,
Не пиши,
Не смеси
Нас, детина!

«Нет пророка в своем отечестве! Дарование Фета в своем полку не получи-

¹ Фет А. Ранние годы моей жизни. С. 258.

ло должной оценки», — меланхолически констатирует историк¹.

Письма Фета Борисову переполнены жалобами на «проклятую армейщину», отсутствие денег, одиночество. В одном он сравнивает себя со слепой лошадыю, топчущейся на одном месте, в другом поминает гоголевские «Записки сумасшедшего», в третьем звучат интонации этакое армейского Акакия Акакиевича. «Я сам стал как лошадь. Дел и хлопот не перечесть. Не бывши сам никогда в таком положении, как я, ты не в состоянии понять всех мелочных забот по домашнему, даже офицерскому, хозяйству. Каких лишений стоит мне экипаж, 4 лошади, шуба и т. п. Все нужно, все необходимо, а где его взять? Надо жить, одеться и проч. Даже гадко толковать об этом»². («Шепот, робкое дыханье...» сочиняется, между прочим, в том же году.)

Военная служба, кажется, окончательно обозначила в жизни Фета разрыв между «гадкой действительностью» и миром высоким и прекрасным, который существует тут же, в тех же границах пространства и времени, но куда нет доступа презренной прозе бытового существования.

Попытка как-то примирить непримиримое привела к очередной катастрофе. Летом 1848 года уже далеко не юный поручик знакомится с «большого роста стройной брюнеткой с необычайной роскошью черных с сизым отливом волос». Даже в воспоминаниях, писавшихся в последний год и опубликованных уже после смерти, он не откроет подлинное ее имя, назвав Еленой Лариной (по аналогии с пушкинской героиней). Дотошные историки литературы раскопали: это была Мария Козьминична Лазич.

Ей было двадцать четыре года. Она была дочерью отставного кавалерийского генерала, серба, обремененного большой семьей и малыми доходами. Она прекрасно играла на рояле, хорошо разбиралась в литературе, почти с детства знала фетовские стихи. «Она была девушка, она была влюблена».

И чувство было взаимным. При встречах они «не успевали наговориться». Но

¹ Григорович А. История 13-го драгунского военного... полка. СПб., 1912. Т. 2. С. 158.

² Письмо И. П. Борисову от 15 августа 1850 г. // Литературная мысль. Пг., 1923. Вып. 1. С. 224.